

ОРГАНЪ РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЬЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Национальное и вселенское.

«Пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего и изъ дома отца твоего въ землю, которую Я укажу тебѣ» (Быт. 12.1). Эти слова Господни Аврааму повторяли себѣ множество христіанскихъ подвижниковъ, когда, оставляя свою родину, вмѣстѣ съ отчимъ домою, уходили спастись въ далекія страны: Палестину, Египеть... Разлука съ родиной разсматривалась, какъ аскетическій подвигъ. Въ египетскихъ монастыряхъ внимательно обсуждали вопросъ: возможна ли иноческая жизнь въ родной странѣ, среди соблазновъ плотской любви? (Св. Кассіанъ Римл.).

Это монашеское отрицаніе роины, подобно отрицанію семьи и культуры, является, очевидно, выраженіемъ аскетической идеи: идеи, существенной въ христіанствѣ, но все же частной и под-

чиненной, идеи — метода, идеи — пути, и притомъ, въ радикальныхъ формахъ своихъ, пути исключительнаго, для немногихъ. Но въ христіанствѣ живетъ и другое великое начало, могущее отрицать начало національное, и дѣйствительно, нерѣдко отрицавшее его на путяхъ исторической жизни. Христіанская Церковь съ первыхъ дней своего бытія на землѣ раскрывается, какъ Церковь вселенская. Еще не разорвавъ связей съ еврейскимъ міромъ, въ которомъ она родилась, она провозглашаетъ: «Въ Церкви Христовой нѣтъ ни эллина, ни іудея». Природной раздѣленности человечества на племена и народы противоплагается его единство во Христвѣ. Какъ для Израиля, для древнихъ отцовъ Церкви народность (мы сказали бы: «національность») — символъ язычества. Язычники («язы-

ки») так именуется не по признаку многобожия, а по признаку национально-народной жизни. Языки — это народы (ethne, gentes).

Римское католичество навсегда сохранило этот универсализм (вселенскость), как свое сущностное определение — свое «имя». Отсюда развитие новых европейских народов протекало, — и до сих пор протекает в течениях, — и в борьбе с Римом. Трагический исход реформации не в последней мере объясняется нечувствительностью Рима к запросам национальной жизни северных (германских) народов.

Но и православная Византия жила исключительно сознанием вселенским. Для нея границы православного мира совпадали с вселенской, по смыслу своему, империей. Далекое русские князья, поскольку они православны, считались подданными («стольниками») василевса, единственного христианского царя на земле. Здесь происходил подмыв, еще более очевидный, чем на Западе. Национально-конкретное, греческое об-являлось вселенским. Принять христианство — значит принять греческую иерархию (если не язык), греческие, императорские законы. Такова была судьба Руси. В этих вселенских притязаниях Византии, как и Рима, было извращение великой правды. Христианское человечество должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни. Однако, приравнение этого земного единства Церкви внешнему государственному единству было великой ложью, провиденциально вскрытой в гибели греческого царства.

Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии. Древняя Русь не умела богословствовать. Но вся ее живая жизнь, вся история ее свидетельствует о восприятии национальной плоти и духа в самую нѣдра Церкви — в ее святыню.

Первые памятники христианства на Руси, похвальные слова князю Владимиру, жития св. Бориса и Глѣба, начальная летопись говорят все о том же: юный, только что крещенный народ уже задумывается о своем религиозном призвании дерзает утверждать свою богоизбранность. Древняя, Киевская Русь пережила аскетический подвиг с остротой и силой, неизвестной в поздней, Московской Руси (Киево-Печерской патерик). И рядом с этим, русская Церковь канонизирует целые десятки князей, т. е. вождей народной жизни, об аскетических подвигах которых ничего не известно. Одни из них были мучениками за веру, другие — за национальный идеал: «положили душу свою за други своя». Греческая Церковь почти не знала святых мирян; в святых князьях на Руси расцветает новая святость, тѣснѣйшим образом связанная со святыней национальной жизни. Этой святыней с безпримѣрной смѣлостью приносится в жертву даже святость аскетического подвига, когда св. Сергий благословляет иноков поднять меч на Куликовом поле.

Вершины своей это национальное религиозное сознание Руси достигает в св. Иосифѣ Волоцком. Но к концу XV века оно уже заслоняется и отягощается новым универсализмом. Погибая, Византия оставила Москву в наследство свою вселенскую идею, в ее слитности с конкретным государством — нацией. Москва — третий Рим, ощущает себя уже не только средоточием мира, но и православной вселенной. В наивном выражении людей XV-XVII веков Успенский собор в Москве и есть «святая, соборная и апостольская Церковь». Но эта национальная вселенскость грозит утратой вселенского чувства Церкви. Русский раскол был наказанием. Вселенское сознание Москвы лишь помѣшало выразиться древне-русскому сознанию

націи. Мысль XIX вѣка — мысль свѣтскихъ богослововъ и философовъ — славянофиловъ, Вл. Соловьева — додумала и выразила то, чѣмъ жила древняя Русь. Въ чемъ же христіанскій смыслъ націи, оправданіе и освященіе ея жизни?

Русскіе книжники, ища опоры для своего нового идеала въ греческой традиціи, любили сравнивать своихъ національныхъ святыхъ, особенно князей, съ древними мучениками, стражами и заступниками родного города. Слагатель повѣсти объ Александрѣ Невскомъ не даромъ вспоминаетъ «блаженнаго отечестволюбца Христова мученика Дмитрія, рекша про отчизну свою Солуньградъ: «Господи, аще погубиши градъ сей, то и азъ съ нимъ погибну»... Древне-греческій градъ — малая родина (polis) живетъ въ греческомъ царствѣ, какъ нѣкоторое органическое цѣлое. Но это цѣлое, бытовое, житейское, не является національнымъ цѣлымъ. Оно свидѣтельствуєтъ лишь о существованіи во вселенскомъ тѣлѣ Церкви мѣстныхъ клѣтокъ-союзовъ плотской любви, не разрушаемыхъ, но благословляемыхъ Церковью небесной. Не въ порядкѣ ли только снисхожденія къ немощной плоти человѣческой? Соблазнительно остановиться на этой мысли, пока мы имѣемъ дѣло лишь съ такимъ духовно не выраженнымъ, религиозно безцвѣтнымъ единствомъ, какъ городъ или гражданская община. Послѣдній смыслъ благословенія родины раскрывается только для родины національной.

Одно малоизвѣстное и литературно беспомощное русское житіе начинается съ такого величественнаго образа русской земли: «О свѣтлая и пресвѣтлая русская земля и приукрашенная многими рѣками и разноличными птицами и звѣрьми и всякою различною тварью, потѣшая Богъ человѣка и сотворилъ вся его ради на потѣху и на потребу различныхъ искушеній человѣческаго ради естества, и

потомъ подарова Господь православную вѣрою, св. крещеніемъ, наполнивъ ю великими грады и дома церковными и насъявъ ю боголюбивыми книгами, и показуя имъ путь спасенія, имъ же дойти-пресвѣтлаго свѣта и радости всѣхъ святыхъ». Невѣдомый сказатель житія даетъ намъ ключъ къ религиозному смыслу національной жизни. Въ его словахъ ясно обозначены три плана. Внизу природная, тварная жизнь, прекрасная и благословенная Богомъ, физическій субстратъ народной жизни. Наверху «свѣтъ и радость всѣхъ святыхъ», Царство Небесное, уже прелагающее всѣ земные рубежи. Посрединѣ «путь спасенія» — не личный, а всенародный путь, намѣченный скупю словами: «грады и дома... и книги». Грады и книги это путь культуры: общественнаго богослуженія, художественнаго творчества и мысли, хозяйства и политической организациі, — все то, что составляетъ глубинную и внѣшнюю, духовную и матеріальную жизнь націи.

Для признанія религиознаго смысла національной идеи необходимы двѣ предпосылки. Первая — религиозный смыслъ культуры, т. е. тѣхъ «градовъ, домовъ и книгъ», которые составляютъ расходящуюся снопь лучей изъ храмовой мистеріи. Вторая — множественность культурныхъ «путей спасенія». Не трудно усмотрѣть многообразіе личныхъ путей святости, личныхъ призваній. Подвигъ святого епископа далеко расходится съ подвигомъ юродиваго — по внѣшности ничѣмъ не напоминаетъ его. И только въ послѣдней глубинѣ раскрывается единство святости — въ единствѣ стяжаемаго Св. Духа. То, что сразу было явлено міру для подвига личнаго и запечатлѣно навѣки въ ученіи ап. Павла о многообразіи духовныхъ даровъ, то для призванія «языковъ» долго оставалось скрытымъ подъ спудомъ мнимо вселенской греко-римской культуры. А,

между тѣмъ, въ огненные дни рожденія Церкви были явлены знаки, указующіе на расходящіяся земные пути Царствія Божія. Единая сила Святого Духа сходитъ на апостоловъ въ раздѣльности огненныхъ языковъ. И даръ языковъ былъ первымъ даромъ новорожденной Церкви. День Пятидесятницы, начало новой жизни человечества странно повторяетъ мнѣ о Вавилонской башнѣ, начало его языческаго распада. Какъ тамъ, такъ и здѣсь гнѣшній хаосъ («шумъ» смѣшеніе). (Дѣян. 2. 6). Разноязычная проповѣдь слова смущаетъ, какъ опьяненіе «сладкимъ виномъ». Но это новое «смѣшеніе языковъ» не страшно. Ибо это не смѣшеніе, а расчлененіе, не раздѣленіе а распредѣленіе — на «жребій», «удѣлы» — крещаемой земли. Многоязычность раждающей Церкви несетъ въ себѣ оправданіе и осмысленіе природно-языческаго многообразія міра. Отнынѣ «языки» входятъ въ Царствіе Божіе.

Языкъ не есть простое орудіе, средство обмѣна мыслей. Языкъ — тончайшая плоть мысли, не отдѣлимая отъ ея природы. И не мысли только, а цѣлостнаго духа. Поэтому языкъ есть имя націи, какъ особаго духовно-кровнаго единства, создающаго свою культуру, т. е. царство идеальныхъ цѣнностей. Даръ языковъ въ неповторимый, торжественный день Церкви не можетъ быть понять, какъ дарованіе внѣшняго органа для христіанской миссіи (подобно переводамъ Библейскаго Общества). Этотъ даръ есть благословеніе самихъ языковъ, какъ ангеловъ, воспѣвающихъ хвалу Богу.

Высочайшій смыслъ культуры — богопознаніе и гимнъ Богу, раздвигающей храмовую молитву до предѣловъ космоса. Извѣстное явленіе — непереводимость самыхъ глубокихъ и тонкихъ оттѣковъ языка, такъ же, какъ и недоступность (или малая доступность) чуждыхъ формъ искусства — указываетъ на исключительность національныхъ призваній.

Они *непереводимы*, какъ языки, и страшно, духовно мертвенно ихъ смѣшеніе — во всякомъ эсперанто. Утѣшительно то, что они не абсолютно замкнуты; полупрозрачныя, они пріоткрываютъ и для внѣшнихъ тайну, хранимую для кровныхъ и своихъ. Вѣримъ, что нѣкогда, въ Царствѣ Христовомъ падутъ всѣ преграды непониманія, и духовные лики народовъ будутъ открыты другъ для друга.

Но въ земной жизни призванія народовъ, какъ и личностей, ведутъ по разнымъ путямъ. Бесплоденъ эклектизмъ, подражающій слегка всякому чужому голосу, и губительно взятіе на себя чужого подвига. Народъ «забывшись о своемъ служеніи, рискуетъ оказаться рабомъ неключимымъ, зарышимъ въ землю талантъ.

Намъ кажется, что наша родина, Россія, стоитъ на опасномъ распутьи. Ея національный путь трагически оборвался болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ величайшія усилія ея геніевъ въ томъ, чтобы обрѣсти потерянную духовную родину. Соблазны духовнаго эсперанто, міровой ярмарки, сейчасъ для насъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но и мы напрасно обольщаемся, что уже нашли истинный путь. Нѣтъ болѣе распространенаго недоразумѣнія среди насъ, какъ смѣшеніе «православнаго» и «русскаго». Православное это вселенское, это для всѣхъ. Русское — только для насъ. Мы плохо знаемъ иныя православныя церкви и культуры, плохо знаемъ и свою собственную. Отсюда иногда мы готовы утверждать, какъ русское, то, что является призваніемъ христіанства восточнаго, а иногда выдаемъ за православное, вселенское, общеобязательное историческія особенности лишь нашего, русскаго пути. И національное и вселенское пониманіе православія страдаютъ отъ этого смѣшенія. Поэтому первый долгъ для насъ — долгъ самопознанія — упорный трудъ по изученію и осмысленію

нашего прошлого. Что изъ тяжелаго, богатаго наслѣдія предковъ останется съ нами, какъ вѣковая святыня, что брошено, какъ мертвый грузъ? Гдѣ чистые ключи, чтобы утолить нашу жажду? Трагичность нашего прошлого, прерывистость, ломанность его линій затрудняютъ исканія, но дѣлаютъ ихъ необходимою ясною для всѣхъ. Трудна, безконечно трудна эта работа возстановленія истиннаго лица Россіи. Сколько обмановъ и самообмановъ на этомъ пути! Одни видятъ Россію въ монастырѣ, другіе въ ордѣ Чингисхана, третьи въ Петербургѣ послѣднихъ Романовыхъ. Нужно бояться дешереыхъ лозунговъ и узкихъ точекъ зрѣнія. Россія и то и это и многое другое. Но, становясь тѣмъ и другимъ, она совершила множество историческихъ грѣховъ, измѣнила своему служенію, какъ всякій народъ. И нужно отличать измѣну отъ праваго подвига, хотя и въ измѣнѣ и въ паденіи сказываются націо-

нальныя, близкія намъ черты Россіи.

А гдѣ же, скажутъ намъ, вселенскій идеаль православія? Мнѣ думается, что нашимъ временемъ, какъ важнѣйшая вселенская задача, выдвинуто возстановленіе и просвѣтленіе лица Россіи. Обрѣтенная, воскресшая Россія будетъ свѣтити міру. Свѣтитъ она и сейчасъ, даже чрезъ закопченныя стекла нашихъ фонарей. Но задача не въ томъ, чтобы это освѣщеніе организовывать, а въ томъ, чтобы не дать угаснуть огню, чтобы не изсякло масло въ свѣтильникахъ, чтобы чадающій, задуваемый вѣтромъ огонь вновь разгорѣлся чистымъ и пламенемъ. Не горделивое спасеніе міра, а служеніе своему призванію, не «мессіанство», а миссія, путь творческаго покаянія, трудовой трезвенности, переоцѣнка, перестройка всей жизни — вотъ путь Россіи, нашъ общій путь.

Парижъ.

Проф. Г. Федотовъ.

Два начала въ христіанскомъ движеніи русской молодежи.

Движеніе по мѣрѣ своего расширенія и возрастанія переживаетъ трудности, которыхъ не знало въ своемъ начальномъ періодѣ ранней юности и дѣтствѣ.*) И нѣкоторые старые дѣятели Движенія разочаровываются въ немъ и отпадаютъ отъ него. Миновалъ періодъ первой радости встрѣчъ русской христіанской молодежи, періодъ небольшихъ интимныхъ кружковъ и семейнаго характера Движенія. Образовалась большая организация, съ бюрократическимъ аппаратомъ, съ разнообразными практическими задачами, работой съ дѣтьми и пр. Кончилъ

ся романтической періодъ Движенія и начался періодъ реалистической. Бюрократизмъ, который многихъ смущаетъ и съ которымъ слѣдуетъ бороться, есть роковой результатъ расширенія Движенія и неизбежности придать ему болѣе организованнй характеръ. И внутри Движенія возникаетъ борьба, тренія и противоборство разныхъ настроеній. Русской молодежи нерѣдко представляется, что Движеніе принимаетъ нежелательное направленіе, что происходитъ измѣна русскому религіозному типу. Какъ осмыслить это явленіе? Я думаю, что подойти къ этому явленію нужно изнутри противоборствующихъ въ Движеніи началъ.

*) Объ этомъ писалъ уже въ № 1 В. В. Зѣньковскій.